

DOI: 10.31857/S032103910010639-5

РИМСКИЙ ПРЕСТОЛ И ВОСТОЧНЫЕ ЦЕРКВИ В КОНФЛИКТЕ ВОКРУГ СВ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА

Г. Е. Захаров

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия

E-mail: g.e.zakharov@gmail.com

Статья посвящена взаимоотношениям между Римским престолом и Восточными Церквями в период кризиса, вызванного низложением в 404 г. с Константинопольской кафедры св. Иоанна Златоуста. Автор соотносит высказывания и действия участников конфликта с моделями взаимоотношений между Римским престолом и Восточными Церквями, сформировавшимися в период арианских споров IV в. Феофил Александрийский и его сторонники рассматривали конфликт как внутреннее дело восточного епископата, что сближает их с евсевиевской традицией. В то же время в отличие от евсевиев они стремились избежать прямого разрыва с Западными Церквями. Римский престол как в период арианских споров, так и во время конфликта вокруг св. Иоанна Златоуста настаивал на необходимости общецерковного консенсуса по поводу справедливости низложения епископов, занимавших важнейшие кафедры. Сам св. Иоанн Златоуст, как в свое время и св. Афанасий Великий, не руководствовался какой-либо очевидной экклезиологической моделью, обратившись за поддержкой к западному епископату лишь в тот исторический момент, когда у него исчезла надежда разрешить спор в рамках Востока.

Ключевые слова: св. Иоанн Златоуст, Феофил Александрийский, папа Иннокентий I, Рим, Константинополь, церковные течения, церковные соборы

THE ROMAN SEE AND THE EASTERN CHURCHES IN THE CONFLICT AROUND ST. JOHN CHRYSOSTOM

Georgy E. Zakharov

Saint Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia

Acknowledgements: Russian Federation Presidential Grant, no. MK-1180.2019.6

E-mail: g.e.zakharov@gmail.com

Данные об авторе. Георгий Евгеньевич Захаров — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой систематического богословия и патрологии, доцент кафедры всеобщей истории ПСТГУ.

Статья подготовлена в рамках проекта МК-1180.2019.6 «Христианские общины Балкан и Северного Причерноморья в системе межцерковной коммуникации конца IV — первой половины V вв.», осуществляемого при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки российских молодых ученых и по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации.

The article is devoted to the relationship between the Roman see and the Eastern Churches during the crisis caused by the deposition of St. John Chrysostom from the see of Constantinople (404). The author correlates the positions and actions of different parties with models of relations between the Roman see and the Eastern Churches, which had taken shape during the Arian controversy of the fourth century. Theophilus of Alexandria and his supporters interpreted the conflict as an internal affair of the Eastern episcopate, which demonstrates their closeness to the Eusebian tradition. At the same time, unlike the Eusebians, they sought to avoid a direct break with the Western Churches. The Roman see, during both the Arian controversy and the conflict around St. John Chrysostom, insisted on the general church consensus in the question of deposition of bishops occupying the most important sees. St. John Chrysostom, the same as St. Athanasius the Great, was not guided in his actions by any obvious ecclesiological model. He made an appeal to the Western episcopate only when he lost hope of resolving the controversy within the East.

Keywords: St. John Chrysostom, Theophilus of Alexandria, Pope Innocent I, Rome, Constantinople, church parties, church councils

Церковный кризис, связанный с противостоянием константинопольского епископа св. Иоанна Златоуста и Феофила Александрийского, имел значимые последствия для межцерковных отношений и привел к разрыву общения между Римским престолом и важнейшими кафедрами византийского Востока на целое десятилетие. В научной литературе этот конфликт зачастую описывается как столкновение двух влиятельнейших восточных кафедр — Александрийской и Константинопольской — в борьбе за преобладание на византийском Востоке¹. Подобная интерпретация событий предполагает, что данные Церкви являли собой консолидированные церковные общности со своими кадровыми и материальными ресурсами и интересами. В действительности ситуация была, на наш взгляд, несколько сложнее. Подлинными акторами конфликта были в большей мере не «Церкви» или «кафедры», выступавшие скорее в качестве объекта притязаний, а церковные микротечения. Речь идет о небольших группах епископов, которые согласовывали свою позицию и координировали свои действия в рамках конфликтов. В то же время с канонической точки зрения микротечения были своеобразной аномалией, не имевшей нормативных оснований в церковной традиции².

Поскольку феномен церковного течения сформировался еще в период арианских споров, мотивы, основания и результаты действий сторон конфликта вокруг св. Иоанна Златоуста могут быть адекватно поняты только если их рассматривать в общем контексте практики межцерковных отношений IV в. В то же время следует указать и на принципиальные отличия «иоаннитского кризиса» от арианских споров: по своей проблематике последние носили преимущественно богословский характер и вектор их развития определялся в значительной мере попытками императорской власти и епископата разрешить конфликт с помощью «больших» соборов, имевших вселенский, общезападный или общевосточный статус.

¹ См., например, Baynes 1926; Caspar 1930, 313; Klug 2014, 286.

² О феномене микротечения см. Zakharov 2019b. Во избежание недоразумений отметим, что данный концепт не является общепринятым и представляет собой и терминологическую инновацию автора настоящей статьи.

Микротечения существовали в тот период в рамках макротечений, т.е. широких и гетерогенных по своим идейным установкам церковных движений, ассоциировавших себя с вероучительными постановлениями того или иного «большого» собора³. Отношения между микротечениями, входившими в макротечения, строились весьма разнообразно: от заключения более или менее постоянных альянсов и попыток кооперации до конкуренции, взаимной полемики и разрыва церковного общения⁴. В рамках «иоаннитского спора» значение богословской, в узком смысле слова, проблематики было минимально⁵. Важно также подчеркнуть, что микротечения начала V в. не имели исторической преемственности по отношению к микротечениям периода арианских споров, а о феномене макротечений в контексте «иоаннитского кризиса» и вовсе говорить нельзя.

Несмотря на указанные существенные различия между арианским и иоаннитским кризисами, борьба за контроль над важнейшими кафедрами была характерна для обоих конфликтов. Другой их общей чертой является их развитие в русле дихотомии Востока и Запада⁶. При этом в обоих случаях конфликт начинается на Востоке, а наиболее активным участником с западной стороны является Римский престол. В этой связи перед тем, как обратиться непосредственно к рассмотрению взаимоотношений между Римским престолом и Церквями византийского Востока в начале V в., необходимо кратко обозначить основные подходы участников арианских споров к разрешению конфликтов вокруг епископов, занимавших важнейшие кафедры. Отметим, что в период арианского кризиса были сформированы две различные модели принятия соответствующих решений: 1) евсевияне — влиятельное течение восточных епископов, враждовавших со св. Афанасием Великим, — отстаивали идею необратимости решений региональных соборов и указывали на недопустимость вмешательства западного епископата в восточные дела (Hilar. Pict. *Fr. hist.* III. 12, 26); 2) западный епископат, и в особенности римские папы, придерживались принципа консенсуса. В их интерпретации решения, касающиеся важнейших кафедр, не могут приниматься сепаратно на региональном уровне и должны основываться на соглашении восточного и западного епископата (см., например, послание папы Юлия I: Athan. Alex. *Apol. contr. ar.* 35). При этом уже папа Дамас I формулирует представление о том, что римский примат установлен Самим Христом в Его обетовании Петру (Мф. 16: 18–19) и имеет внесоборное происхождение (*Decr. Damasi.* III. 1).

³ Для никейцев это был, соответственно, Никейский собор 325 г., для евсевиян — Антиохийский собор 341 г., для омиев — Аримно-Селевкийский и Константинопольский соборы 359–360 гг.

⁴ См. Zakharov 2019a, 48–58.

⁵ Несмотря на первоначальную связь конфликта с оригенистскими спорами в Египте, участвовавшие в нем силы не стремились представить его как вероучительный спор. С. Эльм объясняет это обстоятельство тем, что обвинение в ереси накладывало слишком большую ответственность на обвиняющую сторону, поскольку требовало веских доказательств. В этой связи было более эффективно в рамках церковно-политического противостояния ограничиться обвинениями, связанными со злоупотреблениями епископской властью. См. Elm 1998.

⁶ О дихотомии Востока и Запада в период арианских споров см. Zakharov 2019a, 58–73.

Напротив, Римская Церковь имеет преимущественное право рецепции соборных решений даже вселенского статуса (Послание *Confidimus quidem*)⁷. Подобного рода тенденция к превознесению римского примата над принципом соборного консенсуса поддерживалась первоначально не всеми епископами даже на Западе. Так, св. Амвросий Медиоланский, признавая, что Римская Церковь есть глава всего римского мира (Ambros. *Ep. ex. col.* 5 (Maur. 11). 4: totius orbis Romani caput Romanam ecclesiam), указывал на обычай восточных епископов прибегать к суду Римской Церкви, италийского епископата и всего Запада (Ambros. *Ep. ex. col.* 9 (Maur. 13). 4: ut ad ecclesiae Romanae, Italiae et totius Occidentis confugisse iudicium). Таким образом, медиоланский епископ рассматривал римский примат как основание коллективного права западного епископата участвовать в разрешении восточных конфликтов. Сходную позицию мы встречаем и в посланиях св. Василия Великого, который просил западных епископов принять участие в качестве арбитров в преодолении разделений между различными группами восточных никейцев (Basil. *Ep.* 263. 2). Св. Василий не основывал своей просьбы на идее римского примата, в то же время указывая, что римский епископ имеет право действовать от лица западного епископата в ситуации, когда созыв общезападного собора невозможен (Basil. *Ep.* 69. 1).

Еще одну позицию по вопросу о принятии решений, касавшихся значимых церковных конфликтов, можно вывести из высказываний и, в большей мере, действий св. Афанасия Великого. Он исходил не из общих экклезиологических принципов, а из политической реальности, очевидно, полагая, что в его борьбе за никейскую ортодоксию не стоит сковывать себя каким-то формальными ограничениями. Св. Афанасий обращался за помощью к любой авторитетной силе, способной оказать ему эффективную помощь: после осуждения на Тирском соборе 335 г. он апеллировал к императору Константину (Socrat. *Hist. eccl.* I. 34; Sozom. *Hist. eccl.* II. 28), хотя впоследствии перешел к прямой критике практики вмешательства императорской власти в церковные дела (см., например: Athan. Alex. *Hist. arian.* 11). В конце 30-х годов IV в. он искал поддержки западного епископата и лично папы Юлия, однако в начале 50-х годов отклонил арбитраж папы Либерия, поскольку римский епископ не мог оказать ему эффективной поддержки в текущей политической ситуации⁸. В то же время св. Афанасий указывал на особую честь Римского престола как апостольской и столичной кафедры (Athan. Alex. *Hist. arian.* 35: καὶ οὐχ ὅτι ἀποστολικός ἐστι θρόνος ἢ δέσθησαν, οὐδ' ὅτι μητρόπολις ἡ Ῥώμη τῆς Ῥωμανίας ἐστὶν ἡ ἀρχή).

В рамках настоящей статьи мы попытаемся определить, в какой мере позиция участников иоаннитского спора соответствовала обозначенным выше евсевиевской регионалистской и западной консенсусной моделям разрешения церковных конфликтов или же основные действующие лица этого кризиса, подобно св. Афанасию, руководствовались не формализованными принципами, а церковно-политической целесообразностью.

⁷ Тексты папы Дамаса с обстоятельным историческим комментарием см. в работе Reutter 2009.

⁸ См. Zakharov 2019a, 76–119.

Конфликт вокруг св. Иоанна Златоуста развивался в церковно-политической логике и фактически был обусловлен возникновением на Востоке, и особенно в самом Константинополе, течений сторонников и противников св. Иоанна⁹. К лидерам последнего можно отнести епископов Севериана Гавальского, Антиоха Птолемаидского и Акакия Верийского (*Pallad. Dial. de vita Ioan. Chrysost.* III. 88–90; *Socrat. Hist. eccl.* VI. 11; *Sozom. Hist. eccl.* VIII. 10)¹⁰. Вокруг Феофила Александрийского также сформировалось своеобразное микротечение египетского епископата, одна ко оригенистские споры в Египте сделали его позиции весьма непрочными.

Ни одна из сторон конфликта не вела борьбу против кафедры, занимаемой лидером противников, и не отвергала ее особый статус в межцерковной коммуникации. Кафедры рассматривались скорее как своеобразный капитал, обладание которым укрепляло позиции течения. В этой плоскости стоит рассматривать попытку Феофила продвинуть на Константинопольскую кафедру своего кандидата Исидора после смерти св. Нектария (*Socrat. Hist. eccl.* VI. 2; *Sozom. Hist. eccl.* VIII. 2), а также поставление на Эфесскую кафедру диакона св. Иоанна Златоуста Гераклида после его вмешательства в церковный конфликт в Азии (*Socrat. Hist. eccl.* VI. 11; *Sozom. Hist. eccl.* VIII. 6) и Серапиона на кафедру Гераклеи Фракийской (*Socrat. Hist. eccl.* VI. 17; *Sozom. Hist. eccl.* VIII. 19). В свете этой же логики можно интерпретировать стремление св. Иоанна уже после его отправления в ссылку помешать поставлению для крымских готов епископа его противниками, контролировавшими в тот момент Константинопольскую кафедру. Речь не идет об исключении восточного Крыма из сферы влияния Константинопольского престола, но о противодействии антииоаннитскому течению (Ioan. Chrysost. *Epistulae ad Olympiadem.* 14. 5).

Агитация бежавших из Египта в ходе оригенистского спора монахов во главе с «длинными братьями» против Феофила в Константинополе, поддержка их со стороны императрицы Евдоксии и вынужденное участие в конфликте св. Иоанна Златоуста поставили Феофила в очень рискованное положение¹¹. Его вызов

⁹ О политическом контексте церковного кризиса и раскладе сил см. Liebeschuetz 1990, 195–227.

¹⁰ Наиболее полно события, связанные с конфликтом вокруг св. Иоанна Златоуста, и в особенности взаимоотношения между Римским престолом и Восточными Церквями, в этот период освещены в сочинении одного из сторонников св. Иоанна Палладия Еленопольского «Диалог Палладия, еп. Еленопольского, с Феодором, римским диаконом, повествующий о житии блаж. Иоанна, еп. Константинопольского, Златоуста». О специфике этого текста как исторического источника см. van Ommeslaeghe 1977. Русский перевод сочинения Палладия, а также других житий св. Иоанна и комментарии к ним см. в издании Balakhovskaya 2007.

¹¹ «Длинными братьями», прозванными так за высокий рост, именуются четыре брата — нитрийские монахи Диоскор (был поставлен Феофилом во епископа Гермополя), Евсевий, Евфимий и Аммоний, вступившие в конфликт с Феофилом и обвиняемые им в оригенизме. Вероятно, в разразившемся в Египте оригенистском кризисе перемешались реальные богословские разногласия в монашеской среде (споры между так называемыми оригенистами и антропоморфистами) и антагонизм церковно-политического и персонального характера. И то, и другое трудно поддается реконструкции из-за специфики источников. В 400 г. Феофил организовал соборное осуждение учения Оригена, начались преследования монахов-оригенистов. В целом о данном конфликте см. Russell 2007, 18–27; Banev 2015.

на соборный суд в Константинополь в идеале должен был изолировать александрийского епископа от группы его сторонников¹². Чтобы помешать этому, он прибыл на берега Босфора со свитой из 29 египетских епископов (Pallad. *Dial. de vita Ioan. Chrysost.* III. 12–13; ср. Ioan. Chrysost. *Ep. I ad Innocent.* 25). Кроме того, Феофил смог мобилизовать в свою поддержку св. Епифания Кипрского (Socrat. *Hist. eccl.* VI. 10, 12, 14; Sozom. *Hist. eccl.* VIII. 14–15), заключить стратегический союз с уже формировавшимся антииоаннитским течением (Pallad. *Dial. de vita Ioan. Chrysost.* VIII. 76–79; Socrat. *Hist. eccl.* VI. 15; Sozom. *Hist. eccl.* VIII. 16), заручиться поддержкой двора (Socrat. *Hist. eccl.* VI. 15; Sozom. *Hist. eccl.* VIII. 16) и даже решить миром свой спор с бежавшими из Египта монахами (Ps. Mart. *Oratio funebris.* 52; Socrat. *Hist. eccl.* VI. 16; Sozom. *Hist. eccl.* VIII. 17).

Константинополь и его пригороды превратились в арену борьбы микротечений, в каждое из которых входило по несколько десятков епископов¹³. Важными эпизодами противостояния стали осуждение св. Иоанна собором у Дуба¹⁴, его отправление в ссылку и возвращение в столицу по решению императорской четы, возвращение Феофила и его сторонников в Египет после неудачной попытки низложения Гераклида Эфесского (Ioan. Chrysost. *Ep. I ad Innocent.* 115–119; Pallad. *Dial. de vita Ioan. Chrysost.* IX. 8–9; Ps. Mart. *Oratio funebris.* 82; Socrat. *Hist. eccl.* VI. 16–17; Sozom. *Hist. eccl.* VIII. 18–19), выступление более 60 епископов в поддержку св. Иоанна (Ps. Mart. *Oratio funebris.* 86; Socrat. *Hist. eccl.* VI. 18; Sozom. *Hist. eccl.* VIII. 19–20)¹⁵, новый конфликт с императорским двором в конце 403 г., созыв нового собора (составленного из епископов Сирии, Фригии и Понтийского диоцеза) для обсуждения дела св. Иоанна (Pallad. *Dial. de vita Ioan. Chrysost.* IX. 33–73; Socrat. *Hist. eccl.* VI. 18; Sozom. *Hist. eccl.* VIII. 20) и его арест накануне Пасхи 404 г. В Великую субботу и пасхальный период имели место насильственные действия по отношению к верному св. Иоанну клиру и народу. Сторонники св. Иоанна стали проводить отдельные церковные собрания¹⁶.

Примечательно, что в ходе конфликта каждая из сторон ссылалась на канонические нормы, однако эти ссылки не были направлены на самом деле на

¹² В послании к папе Иннокентию I св. Иоанн Златоуст сам отмечает, что по указанию императора Феофил должен был прибыть в Константинополь в одиночестве (Ioan. Chrysost. *Ep. I ad Innocent.* 24). Ср. Pallad. *Dial. de vita Ioan. Chrysost.* VIII. 93–95.

¹³ Св. Иоанна в момент проведения собора у Дуба поддерживало ок. 40 епископов, причем из разных провинций, и среди них были семь митрополитов (Pallad. *Dial. de vita Ioan. Chrysost.* VIII. 91–92, 177–179; ср. Ioan. Chrysost. *Ep. I ad Innocent.* 111). Стоит отметить также, что под давлением противников св. Иоанна некоторые его сторонники могли переходить на сторону Феофила (Ps. Mart. *Oratio funebris.* 56). Во время второго процесса св. Иоанна поддерживали 42 епископа (Pallad. *Dial. de vita Ioan. Chrysost.* IX. 110–111). Ср. Ioan. Chrysost. *Ep. I ad Innocent.* 167–168. В число сторонников Феофила Александрийского во время первого процесса входили 36 епископов, большинство из которых было египтянами (Pallad. *Dial. de vita Ioan. Chrysost.* III. 12–13; VIII. 177–178).

¹⁴ Конспект актов собора у Дуба сохранился в 59-м кодексе «Библиотеки» патриарха Фотия Константинопольского (SC342, 100–115).

¹⁵ Судя по всему, это все-таки формально был не собор. См. Kelly 1995, 238.

¹⁶ В целом о развитии конфликта см. Baur 1960, 192–407; Kelly 1995, 211–271; Liebeschuetz 1985; Tiersch 2000, 327–378; Russell 2007, 27–34; Brändle 2008, 134–193.

преодоление конфликта в строго канонической плоскости, а лишь на демонстрацию нелегитимности действий оппонентов. Каноническое право в принципе не описывало ситуации масштабного церковного противостояния, регламентируя лишь разрешение узкорегиональных проблем. В этой связи каждая из сторон отвергала действия своих оппонентов, указывая на недопустимость организации судилища в чужой области, но при этом не ограничивала региональными рамками собственные действия¹⁷. Примечательно также, что, отвергая суд Феофила, св. Иоанн в целом допускал рассмотрение своего дела на общецерковном соборе

¹⁷ Так, св. Иоанн Златоуст отмечает в своем письме к папе Иннокентию, что не подобает, чтобы «пришедший из Египта» устраивал суд во Фракии (Ioan. Chrysost. *Ep. I ad Innocent.* 76–78). Далее он указывает, что если распространится такой обычай, что каждый сможет оправляться в отдаленные области и изгонять кого захочет и делать что заблагорассудится, то по всей вселенной начнется «необъявленная война» (Ioan. Chrysost. *Ep. I ad Innocent.* 206–212). Феофил также, ссылаясь на никейские каноны, отрицал возможность суда над собой со стороны епископа Константинополя (Pallad. *Dial. de vita Ioan. Chrysost.* VII. 132–136). В качестве одного из обвинений против св. Иоанна он также выдвинул низложение константинопольским епископом ряда епископов в Азии (Pallad. *Dial. de vita Ioan. Chrysost.* XIII–XV). На никейские каноны ссылались и сторонники св. Иоанна, пытаясь доказать Феофилу невозможность с его стороны произвести суд над константинопольским епископом, при этом они считали возможным произвести суд над Феофилом и его сторонниками, поскольку превосходили их по численности и представляли разные церковные провинции (Pallad. *Dial. de vita Ioan. Chrysost.* VIII. 169–186). Это утверждение, казалось бы, противоречит содержащемуся в письме к Иннокентию I свидетельству самого св. Иоанна Златоуста (Ioan. Chrysost. *Ep. I ad Innocent.* 42–52) о том, что он категорически отказал императору в возглавлении суда над александрийским епископом на основании отеческих правил (τοὺς νόμους τῶν πατέρων) и из уважения к уже обозначенной позиции самого Феофила. Вероятно, отказ действительно имел место и способствовал разрыву между константинопольским епископом и императорским двором (см. Kelly 1995, 215–216; Tiersch 2000, 345). Однако организация Феофилом суда над Златоустом побудила сторонников константинопольского епископа отказаться от такого подхода. Примечательно, что Палладий прямо свидетельствует об императорском решении, чтобы св. Иоанн судил Феофила (Pallad. *Dial. de vita Ioan. Chrysost.* VIII. 18–22), но об отказе константинопольского епископа это сделать не упоминает. Судя по всему, обе стороны опирались, формулируя свою позицию, на широко понимаемый канон 5 Никейского собора, в котором речь идет о невозможности епископу принимать в общение клириков и мирян (εἴτε τῶν ἐν κλήρῳ, εἴτε τῶν ἐν λαϊκῇ τάγματι), отлученных (τῶν ἀκοινωνήτων γενομένων) другим епископом, а также о возможности пересмотра подобных дел на провинциальных соборах, которые должны созываться дважды в год (καθ' ἐκάστην ἐπαρχίαν δις τοῦ ἐνιαυτοῦ συνόδους γίνεσθαι, ἵνα κοινῇ πάντων τῶν ἐπισκόπων τῆς ἐπαρχίας ἐπὶ τὸ αὐτὸ συναγομένων τὰ τοιαῦτα ζητήματα ἐξετάζοιτο — Joannou 1962, I. 1, 27–28). Следует также отметить, что во 2-м каноне Константинопольского собора 381 г. епископам одного диоцеза запрещается вмешиваться в дела епископов другого диоцеза (τοὺς ὑπὲρ διοίκησιν ἐπισκόπους ταῖς ὑπερορίοις ἐκκλησίαις μὴ ἐπιβαίνειν). Причем далее вновь воспроизводится норма, принятая на Никейском соборе, что церковные дела в той или иной провинции находятся в компетенции провинциального собора (ὡς τὰ καθ' ἐκάστην ἐπαρχίαν ἢ τῆς ἐπαρχίας σύνοδος διοικήσει κατὰ τὰ ἐν Νικαίᾳ ὠρισμένα — Joannou 1962, I. 1, 46–47). Как соотносятся между собой процессы консолидации епископата в рамках диоцеза и провинции, из 2-го правила Константинопольского собора 381 г. остается неясным.

(πρὸς πᾶσαν τῆς οἰκουμένης σύνοδον), хотя, видимо, не считал такой вариант решения проблемы наиболее корректным¹⁸. Главным для него было исключение его явных врагов (включая Феофила) из числа судей (Pallad. *Dial. de vita Ioan. Chrysost.* VIII. 187–213; ср. Ioan. Chrysost. *Ep. I ad Innocent.* 234–238).

Показательно также, что первоначально конфликт затрагивал только Восток¹⁹. Римский престол оказался вовлечен в противостояние между Феофилом Александрийским и св. Иоанном Златоустом только на его завершающей стадии. И данное вовлечение опять же стоит рассматривать не в канонической, а в политической плоскости, хотя оно и демонстрирует особый авторитет Римской кафедры. Ни одна из сторон не пыталась привлечь Римский престол к разрешению конфликта, связанного с так называемыми длинными братьями. И св. Иоанн, и Феофил попытались привлечь Иннокентия I на свою сторону только после осуждения св. Иоанна на соборе у Дуба в 403 г., отправления его императором Аркадием в первую ссылку и неожиданного возвращения по решению василевса в Константинополь. Феофил известил Иннокентия о решении собора у Дуба скорее всего лишь в мае 404 г.²⁰, отправив в Рим своего чтеца с посланием, написанным не от лица всего собора, а лично от александрийского епископа. По свидетельству Палладия Еленопольского, Феофил не объяснил мотивов низложения св. Иоанна, и римский епископ решил не отвечать на его послание (*Dial. de vita Ioan. Chrysost.* I. 158–165). В пользу св. Иоанна свидетельствовал также диакон Константинопольской Церкви Евсевий, находившийся в это время в Риме. Через три дня в Рим прибыли четыре епископа — сторонника св. Иоанна Пансофий Писидийский, Паппий Сирийский, Димитрий из Второй Галатии и Евгений Фригийский, которые привезли папе три послания: одно от самого константинопольского архипастыря, другое — от 40 епископов, его поддерживавших (τὴν δὲ τεσσαράκοντα ἐπισκόπων ἐτέρων κοινωτικῶν Ἰωάννου)²¹, и последнее — от клира восточной столицы (Pallad. *Dial. de vita Ioan. Chrysost.* I. 166–177). Послание св. Иоанна сохранилось до нашего времени. В нем константинопольский епископ осуждал Феофила за проведение суда за пределами своей церковной области (Ioan. Chrysost. *Ep. I ad Innocent.* 76–78). Далее святитель описывал кровавые столкновения в Константинополе на Пасху 404 г. (ibid. 146–202). В конце послания св. Иоанн указывал, что аналогичные тексты были посланы другим влиятельным италийским епископам: Венерию Медиоланскому и Хроматию Аквилейскому (ibid. 246–249). Судя по всему, как на это справедливо указывает Дж. Данн²², послание составлялось не для одного лишь римского папы. Аналогичные версии с указанием иных адресатов были посланы и епископам Медиолана и Аквилеи. В пользу этого свидетельствует то обстоятельство, что просьба вмешаться в конфликт была сформулирована во множественном числе, а в приписке

¹⁸ Wojtowysch 1981, 220.

¹⁹ О распространении конфликта на весь Восток см. Ioan. Chrysost. *Ep. I ad Innocent.* 195.

²⁰ По мнению Ш. Пиетри, Феофил написал папе Иннокентию в апреле 404 г., но посланец достиг Рима в середине мая (Pietri 1976, 1300).

²¹ Буквально — «находящихся в общении». Ср. Ioan. Chrysost. *Ep. I ad Innocent.* 167–168. Об использовании этого концепта для обозначения микротечений в письмах св. Василия Великого см. Zakharov 2019b, 14–15.

²² Dunn 2005a, 689–691.

о пересылке послания Хроматию и Венерию св. Иоанн обращается к папе Иннокентию в единственном. Свое обращение к папе константинопольский предстоятель не мотивирует какими-либо основаниями экклезиологического порядка. Несмотря на наличие в его творениях темы особого значения ап. Петра (см., например: Ioan. Chrysost. *De paenit.* 5. 2), св. Иоанн не наделяет Римскую кафедру в силу этого какими-либо особыми властными полномочиями²³. Попытки обнаружить связь между представлениями об ап. Петре и о статусе Римского престола в Церкви в богословии св. Иоанна представляются натянутыми²⁴. В целом можно согласиться с М. Войтовичем, что обращение св. Иоанна к папе не было в строгом смысле апелляцией, а лишь попыткой заручиться его поддержкой²⁵. Примечательно также, что сторонник св. Иоанна Палладий Еленопольский, упоминая о Сердикском соборе 343 г., не вспоминает о факте утверждения им особых апелляционных прерогатив Римского престола. Палладий даже не знает точно, состоялся ли этот собор при папе Юлии (как это было на самом деле) или Либерии (Pallad. *Dial. de vita Ioan. Chrysost.* IX. 65–72).

Ознакомившись с присланными ему текстами, папа Иннокентий попытался взять на себя роль миротворца: он послал общительные грамоты и св. Иоанну, и Феофилу и предложил созвать собор западных и восточных епископов (σύνδοκον δυτικῶν τε καὶ ἀνατολικῶν) для разрешения конфликта (Pallad. *Dial. de vita Ioan. Chrysost.* III. 1–7). Через некоторое время в Рим прибыло еще одно посольство от Феофила, состоявшее из александрийского пресвитера Петра и константинопольского диакона Мартирия. Они привезли папе еще одно послание александрийского епископа и отчет о решениях собора у Дуба. Прочитав эти тексты, Иннокентий не изменил своей позиции. Напротив, он публично порицал Феофила за вынесение приговора в отсутствие обвиняемого и написал ему послание, в котором подчеркивал, что для рассмотрения дела св. Иоанна требуется созвать новый собор. Особо подчеркивалось, что Римский престол признает авторитет только никейских канонов (Pallad. *Dial. de vita Ioan. Chrysost.* III. 8–33; ср. Sozom. *Hist. eccl.* VIII. 26). Последнее указание связано с тем, что Феофил и его сторонники пытались обосновать незаконность возвращения св. Иоанна на кафедру ссылками на постановления Антиохийского собора 341 г., запретившего епископу, низложенному собором, священнодействовать без оправдательного соборного решения и подавать апелляцию на свое осуждение к императору (каноны 4 и 12²⁶). Сторонники св. Иоанна (Pallad. *Dial. de vita Ioan. Chrysost.* IX. 19–21, 61–62; Ps. Mart. *Oratio funebris.* 98–102), а также сам папа Иннокентий I (Sozom. *Hist. eccl.* VIII. 26) указывали, что Антиохийский собор был арианским: он осудил св. Афанасия Великого и его решения были отменены Сердикским собором 343 г., который Палладий именует собором римлян, италийцев, иллирийцев, македонян и представителей Эллады (Ἑλλαδικῶν), но не приписывает ему вселенского статуса (Pallad. *Dial. de vita Ioan. Chrysost.* IX. 60–72).

²³ Об этом см. Kessler 2001; Guinot 2001, 534–537. Ср. также: Miranda 2001.

²⁴ См., например, Jugie 1908.

²⁵ Wojtowysch 1981, 220; ср. Batiffol 1938, 238–239; Pietri 1976, 1303; Kelly 1995, 247.

²⁶ Joannou 1962, I. 2, 107–108, 114.

Пока св. Иоанн и Феофил пытались привлечь Иннокентия на свою сторону, события в Константинополе развивались трагически: в июне 404 г. св. Иоанн был отправлен в новую ссылку в Кукуз. Беспорядки в Константинополе привели к пожару в храме св. Софии. Сторонники св. Иоанна подверглись репрессиям (Pallad. *Dial. de vita Ioan. Chrysost.* X; Socrat. *Hist. eccl.* VI. 18; Sozom. *Hist. eccl.* VIII. 22; Theodoret. *Hist. eccl.* V. 34). Некоторые из них бежали в Рим, в их числе св. Палладий Еленопольский и св. Иоанн Кассиан (Pallad. *Dial. de vita Ioan. Chrysost.* III. 76–96).

О ссылке св. Иоанна в Кукуз Иннокентия известил константинопольский пресвитер Феотекн, который привез папе послание более 25 епископов — сторонников константинопольского архипастыря (Pallad. *Dial. de vita Ioan. Chrysost.* III. 34–43). Данный факт указывает на активность иоаннитского микротечения²⁷ даже в отсутствие его лидера. Получил римский епископ через константинопольского пресвитера Патерна и послание группы епископов — противников св. Иоанна. Последнее обращение папа проигнорировал (ibid. III. 44–54). Затем прибывший в Рим еп. Кириак Синнадский сообщил также об императорском постановлении, требовавшем от всех епископов находиться в общении с Феофилом Александрийским, Арсакием — новым епископом Константинополя и Порфирием Антиохийским (ibid. III. 62–68; см. также: *CTh.* XVI. 4. 6).

Папа направил св. Иоанну послание, в котором призывал набраться терпения. Иннокентий написал также послание и к членам Константинопольской Церкви, в котором он заявил о непризнании законности низложения св. Иоанна, об отказе признать легитимность поставления св. Арсакия, а также о необходимости созыва вселенского собора (ἡ οἰκουμένης σύνοδος) для преодоления кризиса (Sozom. *Hist. eccl.* VIII. 26)²⁸. Позиция Римского престола была безусловно поддержана фессалоникийским архиепископом Анисием (Pallad. *Dial. de vita Ioan. Chrysost.* III. 71–74). О поддержке позиции Рима заявили также епископы Кари и группа пресвитеров Антиохии (ibid. III. 97–104).

Западноримский император Гонорий написал письмо в защиту Иоанна своему брату Аркадию (*Collectio Avellana.* 38)²⁹ и повелел провести собор италийского

²⁷ Группа сторонников св. Иоанна Златоуста здесь и далее при упоминании о послании 15 епископов, привезенном в Рим еп. Евлисием Апамейским, именуется у Палладия «собором Иоанна» (τῆς συνόδου Ἰωάννου) (Pallad. *Dial. de vita Ioan. Chrysost.* III. 36, 71). Об употреблении понятия σύνοδος в значении микротечения у св. Василия Великого и других авторов IV в. см. Zakharov 2019b, 12–13.

²⁸ Дж.Х.В.Г. Либешутц относит оба послания к осени 404 г. (Liebeschuetz 1985, 27). Дж. Данн полагает, что послание клиру и народу относится к 405 г., а послание к самому св. Иоанну — к лету 404 г. (Dunn 2005b). Ш. Пиетри, напротив, относит послание папы к Константинопольской Церкви к осени 404 г., а письмо к св. Иоанну — к более позднему периоду. По его мнению, исходя из текста письма, можно заключить, что св. Иоанн находится в ссылке уже долгое время (Pietri 1976, 1316–1317).

²⁹ Гонорий осудил насильственные действия против сторонников св. Иоанна и посчитал поспешным отправление его в ссылку, поскольку обе противоборствующие стороны запросили мнение епископов Рима и Италии. По мнению западноримского императора, восточным властям следовало дожидаться, пока епископ Рима и епископы Италии сформулируют свое суждение. Данное письмо было не единственным обращением Гонория к Аркадию по этому поводу (Pallad. *Dial. de vita Ioan. Chrysost.* III. 133).

епископата по его делу³⁰. Римский собор 405 г. рекомендовал Гонорию обратиться к Аркадию с инициативой провести для разрешения конфликта собор восточных и западных епископов в Фессалонике (Pallad. *Dial. de vita Ioan. Chrysost.* III. 119–128). Выбор места не был случаен: Фессалоникийская Церковь находилась во владениях Аркадия, но в церковном отношении была в сфере влияния Римского престола³¹.

Отправленное на Восток посольство, состоящее из пяти западных епископов, двух римских пресвитеров и одного диакона, выступавших, очевидно, в роли папских легатов, а также нескольких восточных епископов – сторонников Иоанна (включая Палладия), которые везли с собой решения Римского собора и послания императора Гонория, Иннокентия Римского, Хроматия Аквилейского и Венерия Медиоланского, закончилось неудачей. Члены посольства были арестованы в Афинах и доставлены во фракийскую крепость Атиру. Послания были у них изъяты. Их также принуждали вступить в общение с новым константинопольским епископом, преемником св. Арсакия, св. Аттіком. Добиться этого не удалось. Западных членов посольства вернули в Италию. Восточные были сосланы (Pallad. *Dial. de Vita Ioan. Chrysost.* III. 133–157; IV. 1–68; Ps. Mart. *Oratio funebris.* 134–135³²). Подобное решение восточного двора, судя по всему, было продиктовано в значительной степени его политическим антагонизмом по отношению к западному (Sozom. *Hist. eccl.* VIII. 28). Поскольку убедить восточный епископат пересмотреть дело константинопольского епископа папа не смог, он разорвал общение с Восточными Церквями. Его решение было поддержано и епископатом Иллирика (Theodoret. *Hist. eccl.* V. 34). Общение с восточными кафедрами будет восстановлено только после возвращения имени св. Иоанна Златоуста в диптихи в правление императора Феодосия II³³. Сам св. Иоанн не дожил до этого момента, умерев в 407 г. Важно отметить, что и в период второй ссылки он поддерживал контакты с большим числом западных епископов³⁴.

³⁰ Интересно, что далее Палладий позиционирует этот собор как общезападный (τῆς συνόδου πάσης δύσεως – Pallad. *Dial. de vita Ioan. Chrysost.* IV. 6–7).

³¹ О связях Римского престола с Фессалоникийской кафедрой см. Pietri 1976, 1083–1100.

³² См. также Iadanza 2017.

³³ Антиохийский престол восстановил общение с Римом уже к 415 г. В самом конце понтификата Иннокентия или немного позднее общение с Римом восстановил и св. Аттік Константинопольский. Против восстановления имени св. Иоанна в диптихах высказывался преемник Феофила на Александрийской кафедре св. Кирилл, однако и он сдался в понтификат папы Зосима (417–418) или немного позднее. См. Pietri 1976, 1326–1338. Интересно, что папа Бонифаций I объяснял в письме к Руфу Фессалоникийскому и другим епископам Иллирика стремление Восточных Церквей восстановить общение с Римом тем, что они страдали от своей отлученности от общения с ап. Петром (dolentes se beati Petri communione seiunctos). Отождествление общения с Римской кафедрой и ап. Петром указывает на развитие в Римской Церкви представления о том, что именно апостол возглавляет ее через своих преемников. Данная концепция выходит за рамки традиционной идеи апостольского преемства римских епископов. Важно также отметить, что Бонифаций, очевидно, считал итог иоаннитского спора моральной победой Рима. Bonifat. *Ep.* 10. 6 (Sieben 2014–2015, III, 716).

³⁴ Сохранилось одно письмо св. Иоанна к папе Иннокентию, написанное на третий год ссылки. Помимо папы св. Иоанн поддерживал переписку с Аврелием Карфагенским

Если соотнести действия и высказывания сторон конфликта с описанными выше моделями принятия решений, касавшихся важнейших кафедр, которые сформировались в эпоху арианских споров, то можно констатировать, что они в целом сохранили актуальность в период иоаннитского спора.

Несмотря на то что папа Иннокентий I отстаивал особые судебные прерогативы Римской кафедры как апостольского престола по отношению к Церквам Галлии³⁵ и верховную юрисдикцию Рима над Церквами Восточного Иллирика³⁶, а также подчеркивал в переписке с епископом Антиохии Александром особое значение Петровых кафедр³⁷, он не обосновывал вмешательства Римской кафедры в иоаннитский спор идеей римского примата и не брал, несмотря на утверждение Э. Демужо³⁸, на себя функции верховного арбитра. Папа действовал в рамках обозначенной в свое время Юлием I идеи консенсуса епископата Востока и Запада, который должно было достигнуть в данном случае в рамках вселенского собора. В то же время выбор Фессалоники в качестве места проведения предполагаемого собора мог указывать на стремление папы контролировать соборные заседания через фессалоникийского епископа.

По мнению Ш. Пиетри³⁹, действия Феофила укладывались в рамки евсевиянской экклезиологии: евсевияне осудили св. Афанасия без привлечения западного епископата, а потом предложили папе просто одобрить принятые решения. Точно так же поступил и Феофил. Показательны также его ссылки на решения евсевиянского Антиохийского собора 341 г. В то же время, судя по всему, Феофил, в отличие от евсевиян, сам не стремился к эскалации конфликта с римским епископом, пытаясь убедить его и других западных епископов в своей правоте⁴⁰. Таким образом, можно заключить, что Феофил в целом поддерживал идею

(*Ep.* 149), Хроматием Аквилейским (*Ep.* 155), Венерием Медиоланским (*Ep.* 182), Гауденцием Бриксийским (*Ep.* 184), Анисием Фессалоникийским и другими епископами Македонии (*Ep.* 162–163), Исихием Салонским (*Ep.* 183). Нумерация писем приводится по *PG* 52. Во многих из этих писем св. Иоанн подчеркивает общецерковное значение усилий того или иного своего адресата, направленных на его поддержку, поскольку кризис, вызванный его низложением, касается мира между многими Церквами. В этом отношении действия римского епископа принципиально не отличаются от других западных сторонников св. Иоанна. Показательно также, что африканские епископы пытались в 407 г. выступить посредниками между Римом и Александрией и примирить Иннокентия и Феофила. Не исключено, что за этой инициативой стоял сам александрийский епископ (*PL* 20, 618–619; Klug 2014, 302–303). Очевидно, далеко не все западные епископы заняли в конфликте столь же твердую позицию, как это сделал римский папа.

³⁵ См. письмо Иннокентия I к Виктрицию, епископу Ротомарскому: Innocent. *Ep.* 2. 6. Нумерация писем Иннокентия I здесь и далее приводится по изданию Sieben 2014–2015, II.

³⁶ См. письмо Иннокентия I к Руфу Фессалоникийскому: Innocent. *Ep.* 10.

³⁷ См. письмо Иннокентия I к Александру Антиохийскому (Innocent. *Ep.* 20).

³⁸ Demougeot 1954, 26–27.

³⁹ Pietri 1976, 1300.

⁴⁰ Сочинение Феофила, направленное против св. Иоанна, было переведено на латинский язык Иеронимом Стридонским. См. Facundus Hermianensis. *Pro defensione trium Capitulorum*. VI. 5.

независимости восточного епископата от западного в принятии церковных решений, однако категорическое отвержение с его стороны возможности вовлечения западных епископов в решение восточных конфликтов поставило бы де-факто под вопрос действия его предшественников — св. Афанасия Великого и Петра, чего александрийский епископ, разумеется, не мог себе позволить (ср. Ambros. *Ep. ex. col.* 9 (Maug. 13). 4).

Действия св. Иоанна Златоуста несколько отличаются от модели поведения Феофила. Первоначально он также не стремился вовлечь Рим и Запад в целом в разрешение своего конфликта с александрийским епископом и обратился к западному епископату только тогда, когда полностью утратил доверие императорского двора и потерял надежду на преодоление конфликта исключительно в рамках Востока. Вовлечение в спор западного епископата и императора Гонория было отчаянным шагом и, как показывает история с западным посольством, лишь еще более обострило конфликт. В то же время сам факт привлечения западных епископов в качестве арбитров совершенно не вписывается в евсевианскую модель. Скорее мы можем говорить о близости позиции св. Иоанна ситуативной модели поведения св. Афанасия. В целом подобного рода подход восточных епископов удачно обобщил Ф. Дворник: «Во времена кризиса об этом принципе (римском примате. — Г. З.) вспоминали в Византии, просили и ожидали помощи римского епископа, но также и проявляли недоверие к его растущему престижу и отказывали ему в праве непосредственно вмешиваться во внутренние дела византийской Церкви»⁴¹. В то же время нужно сделать одну оговорку — св. Иоанн не признавал прямо вселенского примата Римского престола, скорее он рассматривал римского епископа как лидера западного епископата, способного, благодаря своему влиянию, оказать ему эффективную поддержку. При этом он поддерживал контакты не только с римским папой, но и с целым рядом других западных епископов.

Подводя итог, стоит указать, что конфликт вокруг св. Иоанна Златоуста обнажил целый ряд проблем, связанных с развитием церковной организации в позднеантичный период. В первую очередь речь идет об отсутствии в церковной традиции ясных механизмов решения глобальных церковных конфликтов. Эти конфликты развивались фактически в церковно-политической логике, являя собой столкновения групп епископов при активном участии императорской власти. Уже наметившаяся в период арианских споров дихотомия Востока и Запада в рамках межцерковных отношений накладывалась при этом на соперничество восточного и западного императорских дворов. В то же время политическая логика не рассматривалась ни одной из сторон противостояния как легитимная, что побуждало их искать канонико-правовые основания своим действиям. В связи с этим каноны Церкви, в целом не описывавшие ситуацию столкновения больших групп епископов, использовались участниками конфликтов скорее как средство полемики, чем как реальное руководство к действию. Непроясненными оставались вопросы о том, какие именно проблемы должны обсуждаться на общецерковном уровне, а какие могут быть разрешены на региональном, а также о роли

⁴¹ Dvornik 1964, 20.

первенствующих кафедр в достижении общецерковного консенсуса и о необходимости наличия иерархических отношений между ними. В то же время относительно скорое преодоление кризиса показывает, что всем участникам конфликта было присуще осознание фундаментальной ценности церковного единства и аномальности церковных разделений.

Литература / References

- Balakhovskaya, A.S. (ed.) 2007: *Drevnie zhitiya svyatitelya Ioanna Zlatoustsa: teksty i kommentariy* [The Ancient Vitae of St. John Chrysostom: Texts and Commentary]. Moscow.
Древние жития святителя Иоанна Златоуста: тексты и комментарий. Пер., вступит. статья, коммент. А.С. Балаховской. М.
- Banev, K. 2015: *Theophilus of Alexandria and the First Origenist Controversy: Rhetoric and Power*. Oxford.
- Batiffol, P. 1938: *Cathedra Petri: études d'histoire ancienne de l'Eglise*. Paris.
- Baur, Ch. 1960: *John Chrysostom and His Time*. Vol. II. Constantinople. Westminster.
- Baynes, N.H. 1926: Alexandria and Constantinople: A study in ecclesiastical diplomacy. *Journal of Egyptian Archaeology* 12 (3/4), 145–156.
- Brändle, R. 2008: *Ioann Zlatoust: propovednik, episkop, muchenik* [John Chrysostom: Bishop, Reformer, Martyr]. Moscow.
 Брендле, Р. *Иоанн Златоуст: проповедник, епископ, мученик.* (Пер. Д. Бумажнова). М.
- Caspar, E. 1930: *Geschichte des Papsttums von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft*. Bd.I. Römische Kirche und Imperium Romanum. Tübingen.
- Demougeot, É. 1954: À propos des interventions du pape Innocent Ier dans la politique séculière. *Revue historique* 212/1, 23–38.
- Dunn, G.D. 2005a: Roman primacy in the correspondence between Innocent I and John Chrysostom. In: *Giovanni Crisostomo. Oriente e Occidente tra IV e V secolo. XXXIII Incontro di studiosi dell'antichità Cristiana, Roma, 6–8 maggio 2004*. Roma, 687–698.
- Dunn, G.D. 2005b: The date of Innocent I's *Epistula* 12 and the second exile of John Chrysostom. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 45, 2, 155–170.
- Dvornik, F. 1964: *Byzance et la primauté romaine*. Paris.
- Elm, S. 1998: The dog that did not bark: doctrine and patriarchal authority in the conflict between Theophilus of Alexandria and John Chrysostom of Constantinople. In: L. Ayres, G. Jones (eds.), *Christian Origins: Theology, Rhetoric and Community*. London–New York, 68–93.
- Guinot, J.-N. 2001: L'apôtre Pierre dans la tradition antiochienne. In: *Pietro e Paolo: Il loro rapporto con Roma nelle testimonianze antiche: XXIX Incontro di studiosi dell'antichità cristiana, Roma, 4–6 maggio 2000*. Roma, 509–541.
- Iadanza, M. 2017: Il vescovo Emilio di Benevento e la delegazione inviata a Constantinopoli da Innocenzo I (405/406). La testimonianza di Palladio. In: *Costellazioni geo-ecclesiali da Costantino a Giustiniano: dalle Chiese "principali" alle Chiese patriarcali. XLIII Incontro di studiosi dell'Antichità Cristiana, Roma, 7–9 maggio 2015*. Roma, 139–153.
- Joannou, P.-P. 1962: *Discipline générale antique (IVe–IXe s.)*. T. I. 1. *Les canons des conciles oecuméniques*. T. I. 2. *Les canons des synodes particuliers*. Grottaferrata.
- Jugie, M. 1908: Saint Jean Chrysostome et la primauté de Saint Pierre. *Echos d'Orient* 11, 68, 5–15.
- Kelly, J.N.D. 1995: *Golden Mouth: The Story of John Chrysostom. Ascetic, Preacher, Bishop*. Ithaca.
- Kessler, S. Ch. 2001: Rom bei Johannes Chrysostomus: Petrus und Paulus als Motiv einer rhetorischen Idealisierung der Reichshauptstadt. In: *Pietro e Paolo: Il loro rapporto con Roma nelle testimonianze antiche: XXIX Incontro di studiosi dell'antichità cristiana, Roma, 4–6 maggio 2000*. Roma, 543–554.
- Klug, S. 2014: *Alexandria und Rom. Die Geschichte der Beziehungen zweier Kirchen in der Antike*. Münster.
- Liebeschuetz, J.H.W.G. 1985: The fall of John Chrysostom. *Nottingham Medieval Studies* 29, 1–31.
- Liebeschuetz, J.H.W.G. 1990: *Barbarians and Bishops: Army, Church and State in the Age of Arcadius and Chrysostom*. Oxford.

- Miranda, A. 2001: Roma città universale ed apostolica in s. Giovanni Crisostomo — un contrastato itinerario tra ostilità e idealizzazione. In: *Pietro e Paolo: Il loro rapporto con Roma nelle testimonianze antiche. XXIX Incontro di studiosi dell'antichità cristiana, Roma, 4–6 maggio 2000*. Roma, 555–565.
- Ommeslaeghe, F. van 1977: Que vaut le témoignage de Pallade sur le procès de saint Jean Chrysostome? *Analecta Bollandiana* 95, 389–413.
- Pietri, Ch. 1976: *Roma Christiana. Recherches sur l'Eglise de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440)*. Rome.
- Reutter, U. 2009: *Damasus, Bischof von Rom (366–384). Leben und Werk*. Tübingen.
- Russell, N. 2007: *Theophilus of Alexandria*. London–New York.
- Sieben, H.-J. (Hrsg.) 2014–2015: *Vetustissimae epistulae romanorum pontificum: Die ältesten Papstbriefe*. Bd. II–III. Freiburg–Basel–Wien.
- Tiersch, C. 2000: *Johannes Chrysostomus in Konstantinopel (398–404): Weltsicht und Wirken eines Bischofs in der Hauptstadt des Oströmischen Reiches*. Tübingen.
- Wojtowysch, M. 1981: *Papsttum und Konzile von den Anfängen bis zu Leo I (440–461): Studien zur Entstehung der Überordnung des Papstes über Konzile*. Stuttgart.
- Zakharov, G.E. 2019a: *Vneshnyaya kommunikatsiya i bogoslovskaya traditsiya Rimskoy Tserkvi v epokhu arianskikh sporov* [External Communication and Theological Tradition of the Roman Church in the Period of the Arian Controversy]. Moscow.
- Захаров, Г.Е. *Внешняя коммуникация и богословская традиция Римской Церкви в эпоху арианских споров*. М.
- Zakharov, G.E. 2019b: [Phenomenon of a Church Faction in the corpus of letters of St. Basil the Great]. *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [St. Tikhon's University Review. Series II. History. Russian Church History] 89, 9–26
- Захаров, Г.Е. Феномен церковного течения в корпусе писем свт. Василия Великого. *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви* 89, 9–26.